

Ефим Никонов и его «потаенное судно»

19 марта 2006 года наша страна отметила 100-летие своих подводных сил. Проблема подводного плавания занимала умы многих людей еще во времена глубокой древности. К сожалению, практическое её решение зависело в первую очередь от уровня развития науки и техники, которые в то время были не на высоте. Тем не менее Россия по праву может гордиться тем, что она является одной из немногих держав мира, в которых зарождались и нашли самое широкое применение такие средства борьбы на море, как подводные лодки (ПЛ).

Впервые в нашей стране созданием подводного корабля занялся уроженец подмосковного села Покровское - Рубцово Ефим Прокофьевич Никонов, не имевший никакого технического образования того времени (и вообще не умеющий читать и писать), но, тем не менее, хорошо ознакомившийся с постройкой надводных парусных кораблей, работая плотником на судостроительной верфи. В конце 1718 года он подал челобитную Петру I. В этой челобитной Ефим сообщал царю, что сделает *«...к военному случаю на неприятелей удобное судно, которым на море в тихое время будет из снаряду забивать корабли, хотя бы десять или двадцать и для пробы тому судну учинит образец, сколько на нем будет пушек»*. Этот любопытный документ сохранился в архиве, но государь на него ответа не дал. В 1719 году Е.Никонов подал новое прошение на имя царя, в котором, жалуясь на притеснения и обиды *«людей чиновных, дьяков и старост»*, вновь заявил, что может построить судно, способное идти в воде *«...потаенно и подбити под военный корабль под самое дно»*. На этот раз не безразлично относившийся к тому, что касается действий на море, Петр I приказал направить Е.Никонова в Санкт-Петербург. Царь лично беседовал с изобретателем, после чего приказал ему, *«таясь от чужого глазу»*, построить сначала действующую модель подводного судна: *«не в такую меру, которым бы в море подойти под корабль, но ради показания и в реке испытания»*. Петр I со свойственной ему энергией поддержал безвестного изобретателя и приказал ему для начала построить модель «потаенного судна», поручив его заботам Адмиралтейств - Коллегии. В Адмиралтейств-коллегии Е.Никонова произвели в «мастера потаенных судов» а 31 января 1720 г. в соответствии с распоряжением царя, Адмиралтейств-коллегия приняла решение: *«Крестьянина Ефима Никонова отослать в контору генерал-майора Головина и велеть образцовое судно делать, а что к тому надобно лесов и мастеровых людей по требованию оногo крестьянина Никонова отправлять из упомянутой конторы»*.

Модель строили на площадке Галерного двора в Санкт-Петербурге. Работы начались в феврале 1720 г. на специальном участке Обер-сарваерской верфи Галерного двора. Галерный двор в то время входил в состав Главного Адмиралтейства, правопреемником которого сегодня является ОАО «Адмиралтейские верфи». В архиве, в перечне дел Обер-сарваерской конторы (*обер - приставка к названиям должностных лиц; по значению своему соответствует русскому главный; в прежнее время обыкновенно (теперь - редко) означала начальника, которому подчинены должностные лица, носящие то же название, но без приставки. В данном случае обер-сарвайер переводится как главный инженер*) при Адмиралтейств-Коллегии есть заведенное 31 января 1720 г. дело № 54 *«О строении села Покровского Ефимом (сыном) Прокофьевым потаенного судна модели и об отпуске на строение лесов, разных материалов и припасов»*. Спустя 13 месяцев, в марте 1721 г., модель была готова. Ее испытания состоялись летом того же года (1721) на Галерном дворе, находившемся на левом берегу Невы у впадения в нее реки Мойки, в присутствии царя Петра I. Хотя они прошли далеко не удовлетворительно, Е.Никонову было велено Петром I начать строительство *«потаенного огненного судна большого корпуса»* на стапеле Галерного двора (верфи) в Санкт-Петербурге.

Д.В. Войтов в книге «Подводные обитаемые аппараты», изд. «Астрель», 2002 г., на стр. 13 по-иному трактует детали первого испытания Никоновым своей модели: *«... Никонов с*

энтузиазмом принялся за работу и уже через четыре месяца, 10 июня 1720 года большая модель «потаенного судна» была построена. На первые испытания НА ГАЛЕРНЫЙ ДВОР прибыл сам Пётр I. «Потаённое судно», управляемое Никоновым, ПОСЛУШНО ПОГРУЖАЛОСЬ, всплывало, перемещаясь по поверхности воды, СНОВА ПОГРУЖАЛОСЬ, когда в балластную цистерну поступала вода. Затем изобретатель откачал воду из цистерны ручным насосом, и ОБШИТОЕ ЖЕЛЕЗНЫМИ ЛИСТАМИ цилиндрическое судно показалось из воды. Взволнованный, но счастливый Никонов оказался в объятиях Петра. Теперь можно было строить «потаенное огненное судно большого корпуса». Через четыре года судно было построено» (т.е - в 1724 году - прим. В.Т.). По данным Д. В. Войтова испытания модели состоялись летом в 1720 году, что маловероятно.

Ю. Никитин в статьях «Наутилус Ефима» (Журнал «Нептун») и в «Морском сборнике» («Первая подлодка») также указывает на испытания в 1720 году, приводя и порядок проведения испытаний с помощью специально построенной баржи (лихтера), на которой был малый стапель для «Морели», ограждённый от посторонних глаз «палисадом» и закрытый парусом: «... Вначале спустили со стапеля в **Неву** лихтер и поставили на швартовы. Палисад убрали, а потаённое судно прикрыли «от чуждого глаза» парусом. Установленные на лихтере подъёмные краны, из тех, что использовали для погрузки пушек на суда, спустили на воду модель, с которой на лихтер завели швартовы. Загрузили мешки с балластом для понижения центра тяжести и увеличения остойчивости, и команда приступила к тренировкам...Приняли воду в цистерну и определились с позиционным положением...На корме судна закрепили спасательный канат, а свободную его часть бухтой уложили на шлюпку сопровождения... Государь прибыл к подъему флага. Загремел орудийный салют. Отдали швартовы. «Морель» закачалась на свободной волне. Экипаж заработал веслами, и судно отошло к середине реки на глубокое место. По пушечному сигналу Никонов закрыл рубочный люк. Корабль начал медленно погружаться в воду. Под урез воды ушла мачта. Вновь выстрел. «Морель» показалась у другого берега. Люк открылся и Никонов с улыбкой замахал рукой. Выстрел. Там, где была лодка, завертелась буруны. Вскоре субмарина всплыла почти у входа в галерную верфь. Выстрел. Подлодка вновь исчезла с поверхности. А затем...

Выстрел следовал за выстрелом, но тщетно. «Морель» не всплывала. Петр приказал шлюпке сопровождения причалить к берегу. Конец каната с нее завели на барабан ворота, и государь первым налег на крест рычагов. Трос напрягся и медленно потянул за собой «улов». Скоро **мокрые подводники (?)** уже стояли на скользкой палубе. Они выливали воду из сапог и выжимали отяжелевшие от воды кафтаны. Сквозь щель в корпусе «Морели» на землю ручьем вытекала грязная вода. Все с облегчением приняли по чарке. Петр за спасенными никакой вины не признал, испытания оценил как убедительные и повелел строить судно «полного корпуса» («Первая подлодка», «Морской сборник», стр.83-84).

Как следует из этой записи, в модели при испытаниях находились еще другие «подводники», включая Е.Никонова, что вполне вероятно, поскольку Петр I приказал построить сначала действующую модель подводного судна: «не в такую меру, которым бы в море подойти под корабль, но ради показания и в реке испытания». Модель и есть модель. Маловероятно чтобы в то время в это понятие вкладывали иной смысл. Если бы там был только один Е.Никонов, то он единственно, что мог бы сделать, так это погрузиться, а чтобы всплыть, ему надо было бы вручную откачать помпой воду из «водяного мешка». Но для этого как минимум нужен был еще один человек. И другое, как все - таки учитывалось течение Невы? Ведь течение на Неве очень быстрое и модель обязательно снесло бы по течению. Значит, нужен был еще корабль, стоящий на якоре и с него должен был бы заведен конец на модель для ее удержания. В этом отношении описание испытания модели в статье Ю.Никитина «Наутилус Ефима» более правдоподобно.

Подробных сведений о размерах и устройстве модели не сохранилось. Вполне вероятно, что она имела шарообразные или бочкообразные обводы корпуса, строилась из дерева, скрепленного железными обручами, и обшивалась сырой кожей. Движителями служили

веса? Система погружения состояла из «водяного ящика» - прообраза современных балластных цистерн, ручной помпы, жестяных труб и десяти оловянных пластин, в каждой из которых просверлили по 500 отверстий минимального диаметра. Через эти отверстия в «водяной мешок» поступала забортная вода, способствующая погружению.

В августе 1721 г. в Петербурге на Галерном дворе тайно, без лишней огласки в специально построенном сарае была заложена первая отечественная «подводная лодка».

Е.Никонов довооружил лодку «огненными медными трубами», для чего *«В Главную артиллерию послать промеморию и требовать, дабы к потаенному судну десять труб медных повелено было порохом начинить и селитрою вымазать от той артиллерии»*. В итоге «подводная лодка» именовалась «огненным судном» потому, что ее вооружение состояло из нескольких «зажигательных труб».

Весной 1724 г. построенное Е.Никоновым из дерева первое в мире «потаенное судно «Морель»» (*имя первой «субмарины», как ни странно, к морю не имеет никакого отношения. Виной всему ошибка писаря при закладке лодки (вместо слова «Модель» он написал «Морель»*)) с экипажем 5 (?) человек в присутствии Петра I, прибывшего на строительную площадку, *«адмиралов, капитанов, чиновных людей и людишек простого звания»* было спущено на воду и погрузилось на глубину 3-4 м (недалеко от берега). Однако от удара о грунт было повреждено деревянное днище судна (?), нарушилась герметичность корпуса. Судно, его изобретателя и экипаж удалось спасти. Петр I приказал мастеру укрепить корпус для последующих испытаний и повелел, чтобы ему *«никто конфуза в вину не ставил»*.

Существуют материалы, в которых утверждается, что испытания модели подводного судна Е.Никонова в присутствии Петра I проходили на Сестрорецком озере возле Санкт-Петербурга: *«...Ведь именно на Сестрорецком озере 280 лет назад крестьянин Ефим Никонов в присутствии Петра I демонстрировал прообраз подводной лодки - так называемое «потаённое судно». Успех испытаний определил перспективу строительства на Галерном дворе «большого корпуса»...»* («Гардемарин», 27 сентября 2001 года, стр.2). Если это так, то, возможно, потаённое судно было доставлено в Сестрорецк лихтером? **Сведений об этом обнаружить не удалось** (Петр I 20 сентября 1714 г. действительно посетил Сестрорецк и реку Сестру. С данного периода можно говорить о новой истории г. Сестрорецка. Петру I очень понравилось данное место, его красота, местоположение, и он приказал возвести на берегу Финского залива летний дворец, а рядом сделать сад. Около этого дворца посадили примерно 2000 молодых дубков, которые свидетельствовали о могуществе российского флота. Данными действиями руководил сам царь). Очевидно, что требуется уточнение историками флота отдельных дат и места испытаний моделей, построенных Ефимом Никоновым. На мой взгляд, все испытания «Морели» проходили на Неве около Галерного двора. Какой смысл был везти модель в Сестрорецк, тем более в те далекие времена, на озеро, где не было никаких приспособлений для таких испытаний, да и стоило это не дешево.

Впрочем, в литературе имеются некоторые расхождения в деталях не только порядка испытаний, но и описаний конструкции «Морели». Ведь не сохранилось ни чертежей, ни подробных описаний систем и узлов первой «подлодки». Это дало возможность выполнить несколько вариантов «реконструкций» потаённого судна – за счёт исследования материалов, пошедших на постройку судна, отдельных архивных документов и переписки в делах Галерного двора.

Но последующие испытания («опускания») исправленного «потаенного судна» так и не состоялись: осенью 1724 г. жестокая простуда, полученная Петром I при спасении нескольких солдат, тонувших в волнах Финского залива близ Лахты, подорвала здоровье великого монарха. Петр I серьезно заболел, а 8 февраля (28 января) 1725 г. скончался. Е.Никонов лишился своего покровителя.

Как было отмечено выше вооружение этой первой российской «подводной лодки» состояло из «огненных труб» - огнеметов и инструментов для проделывания отверстий

водолазом в корпусах вражеских кораблей. Для водолаза (в данном случае под водолазом понимается тот, кто находился внутри «огненного судна») Е.Никоновым был изобретен «водолазный костюм».

Еще во время болезни царя чиновники Адмиралтейств-коллегии стали его притеснять. 18 декабря 1724 г. последовало такое решение: *«Крестьянина Ефима Никонова, который строил потаенное судно, отослать в Адмиралтейскую контору, где велеть ему, Никонову, оные суда совсем достроить и медные трубы сделать конечно с сего числа в месяц, и для того приставить к нему капрала или доброго солдата и велеть быть у того дела неотлучно. А имеющиеся у него припасы осмотреть и что к тому потребует, отпускать от той же конторы по рассмотрению, а чего в магазине не имеется, то купить, а по окончании того дела представить его, Никонова, с рапортом в Коллегию».*

Из этого документа видно, что чиновники Адмиралтейств-коллегии перевели Е.Никонова на положение полуарестованного, т.е.стали ему не доверять. А может быть этот солдат был приставлен к Е.Никонову, чтобы помогать ему? Пользовавшийся до того доверием самого Петра I изобретатель стал поднадзорным, - при нем неотступно находился солдат. Материалы для постройки судна теперь отпускались неохотно, после длительной и унижительной процедуры. Несмотря на все эти преграды и трудности, Е.Никонов к весне 1725 г. закончил все работы, что видно из записей в журнале Адмиралтейств-коллегии: *«1725 год. Марта 9 (№ 1110). Читан от Адмиралтейской конторы рапорт, в котором объявлено, что крестьянин Ефим Никонов потаенные суда на пробу сделал, и, выслушав, предложили: об оных судах доложить генерал-адмиралу и адмиралтейской коллегии президенту графу Апраксину и о том же требовать совета и от генерал-майора Ушакова, а упомянутого Никонова отдать до указа на расписку».* *«Марта 16 (№ 1182). Вице-адмирал Змаевич доносил коллегии словесно, что по коллежской сего марта 9 дня резолюции о сделанных Ефимом Никоновым потаенном и огненном судах е. с. графу Апраксину докладывал, на что е. с. приказал: когда нынешнюю весною лед на Неве реке скроется, тогда об оных судах доложить ему, генерал-адмиралу».* Из этого документа можно предположить, что испытания «потаенного судна» проводились на Неве. Весной 1725 г. на Неве «потаенное судно» было спущено на воду, но в его корпусе опять обнаружилась течь, и оно было снова вытаскано на берег. Любопытно, что в ответ на запрос Адмиралтейств-коллегий о возможности испытаний «потаенного судна» после нового ремонта, Никонов прямо заявил, что действовать так, как он сам обещал царю-батюшке, «Морель» не сможет, так как *«оное сделано только для пробы, как дух переводить; о чем доносил блаженный и вечно достойный памяти его величеству».*

После этого у чиновников Адмиралтейств-коллегии интерес к продолжению опытов Е.Никонова пропал. При Екатерине I еще предпринимались некоторые попытки исправления «потаенного судна» (*последние третьи испытания «подводной лодки» Е.Никонова состоялись в 1727 г. Они тоже не дали положительных результатов и дать не могли.* Известный историк отечественного подводного флота Г.М. Трусов (1889-1960) вполне обоснованно отметил в этой связи: *«Судно было слишком примитивным для плавания под водой, а тем более для того, чтобы поражать корабли противника огневыми средствами»*), но после ее смерти Адмиралтейств-коллегия совершенно перестала интересоваться работами Е.Никонова. После смерти Екатерины I российский престол наследовал малолетний Петр II, и флот пришел в упадок.

Преемники Петра I начали сильно урезать кредиты на флот. В первую очередь были прекращены расходы на морские «затеи», вроде «потаенного судна», которое *«пробовано-жь трижды и в воду опускавано, но только не действовало за повреждением и течькою воды».* Из этой фразы следует, что испытания «потаенного судна» проводились три раза и все три раза неудачно. В дальнейшем Е.Никонов не получал никакой технической помощи для доведения своего изобретения до конца. Он настойчиво добивался отпуска средств на исправление поврежденной лодки и проведение новых опытов, но ему была отпущена крайне ограниченная сумма. Как было отмечено выше последние испытания «потаенного

судна» состоялись в 1727 г., но, однако, они не дали ожидаемых результатов. Прямым следствием такого завершения испытаний явилось разжалование Ефима Никонова из мастеров в простые «адмиралтейские работники» и ссылка его в январе 1728 г. на Астраханскую верфь, о чем имеется следующая запись в журнале Адмиралтейств-коллегии:

«1728 год. Января 29 (№ 647). Читано из конторы адмиралтейской выписки потаенных судов о мастере Ефиме Никонове, который поданным своим в прошлом 718 году блаженныя и вечно достойныя памяти Е. И. В. прошением объявил, что сделал такое судно: когда на море будет тишина и оным судном будет ходить в воде потаенно и будет разбивать корабли, а по подаче того своего прошения через десять лет не токмо такого судна, ниже модели к тому делу действительно сделать не мог, которое хотя и строил из адмиралтейских припасов и адмиралтейскими служителями и на строение тех судов употреблена из адмиралтейских доходов не малая сумма, но она по пробам явилась весьма не действительна, того ради его Никонова за те его недействительные строения и за издержку не малой на то суммы определить в адмиралтейские работники и для того отправить его в астраханское адмиралтейство с прочими отправляющимися туда морскими и адмиралтейскими служителями под караулом, которому денежное и хлебное жалование и мундир давать против прочих адмиралтейских работников с вышеписанного числа, а для пропитания в пути ему при С. Петербурге денежное и хлебное жалование против здешних адмиралтейских работников мая по 1 число сего 728 года». Вдумываясь в слова этой записи, можно задать вопрос: а было ли построено фактически это «огненное судно»? Если Е.Никонов добросовестно работал над ним, то зачем его разжаловали, арестовали и под конвоем направили в Астрахань. Фактически для него в ссылку. Дальнейшие сведения о нем отсутствуют.

Тем не менее, первая отечественная попытка реализовать идею создания движущегося под водой обитаемого и управляемого человеком боевого средства, способного скрытно приближаться к надводным кораблям и судам противника и поражать их взрывным зарядом, относится именно к 1724 году и заслуга в этом простого русского крестьянина – плотника судостроительных верфей Ефима Прокофьевича Никонова.

Тогда России был нужен СВОЙ ФЛОТ и СВОИ «потаённые суда»! Как тут не вспомнить слова русского поэта Николая Рубцова, запечатлённые не только в его стихах, но и на мемориальной доске на Проспекте Стачек в Санкт-Петербурге: **«РОССИЯ! РУСЬ! ХРАНИ СЕБЯ, ХРАНИ!»** Хранит ли она себя сегодня? И будет ли хранить завтра? Надеждой на сохранение и укрепление живёт Флот нашей громадной морской России.

После Е.Никонова в России практически более 100 лет подводным опытным кораблестроением никто не занимался. Предпринимавшиеся после этого периода попытки создания подводных лодок не вызывали интереса у морского ведомства.

Но Ефим Никонов не забыт. Ему через год после 100-летия Подводных сил России (в 2006) в 2007 г. в поселке Пионерский в Истринском районе Подмоскovie поставили памятник. Автор монумента известный московский скульптор Алексей Викулов.

P.S. Переписку по некоторым вопросам «потаенного судна» надо искать в Московском Российском Государственном архиве Древних актов (РГАДА).

СИРЫЙ С.П.
председатель военно-исторической секции Дома ученых РАН,
председатель секции истории Российского флота и историкограф СПб МС,
заслуженный работник высшей школы России, профессор, капитан 1-го ранга запаса.